

АНТРОПОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА У ЗЕРКАЛА ИСТОРИИ:

ПОПЫТКА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

©И.Н. Афанасьев

В статье с использованием сравнительно-исторического метода ставится цель рассмотреть антропологический аспект литературы о Великой Отечественной войне. Сделан вывод о большом гуманистическом потенциале советской литературы в борьбе за выживание человечества.

Ключевые слова: советская литература, Великая Отечественная война, русская классика, историческая память, трагедия Беларуси в годы войны, выживание человечества.

Проблематика конференции очень актуальна и важна. Однако кто есть мы сами, в «антропологическом», так сказать, смысле? И не слишком ли много возомнили о себе? Знаем ли, что «человеческое тело содержит: воды – достаточно, чтобы наполнить 10-галонную бочку; жира – достаточно, чтобы изготовить 7 кусков мыла; углерода – достаточно, чтобы изготовить 9000 карандашей; фосфора – достаточно, чтобы изготовить 2200 головок спичек; железа – достаточно, чтобы изготовить средних размеров гвоздь; кальция (извести) – достаточно, чтобы выбелить курятник...» [1, с. 164]?

Можно было бы на этом и закончить, сославшись на Теодора Адорно или Варлама Шаламова (кому как нравится), говоривших, что после трагедий человечности в 20 веке, после Освенцима нельзя заниматься искусством, литературой: «Бог умер. Почему же искусство должно жить?» [2, с. 375] Шаламову ответ на этот вопрос, наверное, окончательно стал ясен только у небесного престола. Здесь, на грешной земле, мы обрести это знание не можем. Однако нам доподлинно известно другое: человек всё-таки выжил. И сейчас мы знаем это наверняка, открывая в себе какое-то особенное, внутреннее зрение и вглядываясь в руины Газы глазами советского солдата со спасённой немецкой девочкой на руках.

Вряд ли он читал Достоевского с его «всякий пред всеми за всех и за всё виноват» [3, с. 262]. Наверняка не прислушивался к толстовскому Нехлюдову, уверовавшему, что «нет таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять» [4, с. 442]. И уж точно не дожил до беспощадного признания из антиутопии Алеся Адамовича «Последняя пастораль» о гибели мира в ядерной войне: «Все и во всём всегда перед всеми правы! – если не это, то что тогда погубило?» [5, с. 59].

Ничего этого солдат не знал. И, прежде чем солдатом стал, строил жизнь и себя по Марксу и Ленину, как понимал сам. А значит, пусть и безотчётно, по стихийному наитию и по прочувствованной сердечно правде, осуществлял себя в гармоничном соответствии с марксовым откровением о человеке, который есть существо «родовое» и «должен проявить

и утвердить себя как родовое существо и в своём бытии и в своём знании» [6, с. 164]. Будущий солдат строил себя и жизнь под вчерашние насмешки злорадствующих соседей и сегодняшние ухмылки самоуверенных потомков, знающих, как надо было жить вчера, но не очень умелых в обустройстве собственного жития. Строил с верой наивной, простодушной и чистой, в которой героем литературы становился и только и мог быть человек живой, подлинный. И у советской литературы был живой Чапаев, был живой Корчагин-Островский. Жизнь и литература вглядывались друг в друга и друг друга ободряли.

Одно небольшое, но, как представляется, весьма красноречивое наблюдение. Каждому гомельчанину известен так называемый «залинейный» район – одноэтажная, преимущественно деревянная, застройка довоенных (а то и дореволюционных) времён, разделённая с центральной частью города железнодорожной веткой («линией»). Самый обыкновенный, «пролетарский» район советского Гомеля. И в этом районе, в радиусе одного-двух километров, располагается самый настоящий литературный заповедник, в котором улицы носят имена знаменитых писателей: Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Николая Некрасова (сейчас Ивана Шамякина), Щедрина, Лермонтова. В таких литературных пристрастиях выражает себя советский генотип. И даже в иронии романа Юрия Полякова «Козлёнок в молоке» это литературное знание присутствует как родовое, если угодно – антропологическое качество человека. Вспомним: перестанет ли Гёте быть писателем, если мы его не прочтём? Конечно, не перестанет. Но даже тот советский человек, который «Фауста» не читал, безошибочно знал, что Гёте – писатель. Знает ли столь безукоризненно об этом наш простой современник?

Родовое качество человека расширяло горизонт советской литературы до классических пределов пушкинского «Медного всадника» и подвигало Михаила Пришвина в романе-сказке «Осударева дорога», говоря его словами, «дать свой путь к коммунизму» [7, с. 510], который «все мы носим в своём естестве» [7, с. 509]. Мыслитель-гуманист не побоялся соединить маршрут петровского волока с символами советской эпохи, которые становились не проклятием недавнего прошлого, а уроком исторической современности. Правда, для собирания человека, когда жизнь тратится на себя, а выходит для всех и как надо, Пришвин привёл своих героев и читателей на строительство Беломорско-Балтийского канала, урезонив возможное недоумение современников и потомков образами Петровской виселицы и «Града Петрова», без которых даже Пушкин невозможен как «наше всё»...

И если уж литература искала такой человеческой подлинности, мог ли быть другим и сам писатель, который в литературу шёл из окопов и траншей, из танковых экипажей и артиллерийских расчетов 1941–1945 годов?

Даниил Гранин однажды поделился своим воспоминанием о том, с каким братским чувством отнеслись наши бойцы к первому пленному немцу, которому искренне хотели растолковать, как его обманул Гитлер, – и встретили высокомерное презрение в ответ, униженные, как недочеловеки, не-люди. Для Гранина и его фронтовых товарищей с этого знакомства и начался тот враг, которого нужно было не уговаривать, а только побеждать в бою. С тех пор прошла целая жизнь. И уже в Германии 2014 года с Даниилом Александровичем приключилось то, о чем мне посчастливилось услышать из его уст, в неспешной беседе на веранде писательской дачи в Комарово. Даниилу Александровичу, который по приглашению руководства ФРГ в День памяти жертв нацизма выступил с трибуны бундестага и рассказал о трагедии Ленинградской блокады, была организована встреча с ровесником, участником войны в рядах вермахта, бывшим канцлером Германии Гельмутом Шмидтом, который воевал под Ленинградом. Гранин задал Шмидту вопрос: «Как Вы думаете, почему Вы проиграли?» Ответ Шмидта поразил: «Потому что американцы открыли второй фронт в Европе». У Гранина было единственное объяснение такого ответа: немец до сих пор не мог принять (признать) поражение от русских. Для немца это по-прежнему было унижительно.

Закончилась советская эпоха. Мы всё больше и больше остаёмся один на один с новой, которая до недавнего времени не очень-то интересовалась, насколько мы безупречны в наследовании нашей истории и наших побед?

Для Юрия Борева знаком беды стало молчание литературы, молчание культуры в самом глобальном понимании этого смысла. В начале 2000-х годов по инициативе Борева состоялась международная дискуссия «Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формулируемые культурой» (2006), начатая работой Юрия Борисовича «Парадигма современной эпохи». Суть высказывания и озабоченности Борева заключалась в следующем: культура каждой эпохи вырабатывала формулу бытия, а сейчас такой формулы нет [см.: 8, с. 21–22]. Нет парадигмы современной эпохи. И нет великой литературы, которая невозможна без постановки глобальных целей и задач.

И здесь Великая Отечественная война преподавала нам урок человечности. При всей святости сражающейся литературы, которую изранила, обожгла война в «Убей его! (Если дорог тебе твой дом)» Константина Симонова или «Убей!» Ильи Эренбурга, из «Науки ненависти» Михаила Шолохова выросла «Судьба **человека**» (советская парадигма).

На уровне этой простоты и конкретности возможно представление и о постсоветской парадигме культуры. Помните, у талантливейшего Станислава Говорухина? Сначала: «Россия, которую мы потеряли». Затем: «Так жить нельзя». И наконец: «Ворошиловский стрелок».

Боюсь, что для иного нашего современника страшная химия человеческой материи из повести Алеся Адамовича «Каратели» может стать всего лишь вариантом таблицы Менделеева, если это имя вообще ведомо ему. А ведь эта повесть Адамовича о трагедии человеческого падения была написана на страшном реальном материале преступлений в Беларуси гитлеровского карательного батальона, который состоял из всяческого сброда наших соотечественников под командованием немца Дирлевангера. Повесть Адамовича была гениальной и успешной попыткой литературы сохранить в человеке ту самую родовую природу. Достоевский и Толстой умолкли перед ужасом этой трагедии, в которой милость к павшим осквернит память жертв. Однако молчание классиков не освободило человека-читателя от осознания собственной человеческой неполноты как трагедии неизбежной, из которой немедленно родится новое преступление, как только иссякнет человеческое ощущение неразрешимости этого противоречия: быть человеком, жить – и НЕ ПРОЩАТЬ...

Наверное, только тот читатель Адамовича, который именно так осознает, прочувствует трагизм собственного положения, поймёт всё то, о чём говорил Адамович-публицист и мыслитель в 1980–1990-е годы. Тогда во главу угла литературы он ставил проблему выживания человечества и предупреждал род людской о том, что могут грянуть времена, когда мы будем смотреть по телевизору прямой репортаж о собственной гибели [см.: 9, с. 287]. Прямой репортаж нынче заменила онлайн-трансляция с полей сражений, в которой обретают воодушевление охотники посудачить о том, кто и когда расчехлит ядерное оружие. А самую страшную из возможных трагедий существования человечества Адамович вслед за американцем Джонатаном Шеллом во времена незапамятные обрисовал одной-единственной картиной, которая сейчас воспринимается как приговор всей теперешней европейской толерантности: всё как прежде, но больше не родятся дети... [см.: 9, с. 140].

Услышит ли жизнь эти пророчества? Способна ли?

Эпоха не смиряет свой нрав. К генетически модифицированным продуктам добавляется генетически модифицированный человек. Правда, от человека в нём остаётся, пожалуй, всё тот же неизменный набор: головки спичек, извёстка для курятника, железный гвоздь... Вечная и бесполезная химия. Вечная и беспомощная физика. Над ней когда-то подшутили остроумцы, задавшись вопросом о том, возможно ли было из молекул дыма, струящегося из гоголевского камина, сложить второй том «Мёртвых душ», рукою классика

брошенный в огонь? Дым над планетой перестаёт быть шуткой. Найдётся ли, уцелеет тот, у кого получится из этих молекул сложить новые письма?..

Список литературы

1. Адамович А. Каратели (Радость ножа, или Жизнеописания гипербореев) // Собрание сочинений: в 4 т. Минск: Мастацкая літаратура, 1983. Т. 4: Каратели (Радость ножа, или Жизнеописания гипербореев). Публицистика и критика 70-х–начала 80-х годов. С. 3–232.
2. Шаламов В.Т. <О моей прозе> // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Худож. лит., Вагриус, 1988. Т. 4: Четвертая Вологда; Вишера. Антироман; Эссе; Письма. С. 371–386.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Книги I–X. 511 с.
4. Толстой Л.Н. Воскресение // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. Т. 32: Воскресение. 541 с.
5. Адамович А. Последняя пастораль // Новый мир. 1987. № 3. С. 3–60.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
7. Пришвин М.М. Дневники // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8: Дневники, 1905–1954. 759 с.
8. Боров Ю. Парадигма современной эпохи // Академические тетради: Исторические идеалы и смыслы бытия человека и человечества, формируемые культурой / Комиссия научного совета по культуре при Президиуме РАН «Искусство и духовная жизнь общества», Независимая Академия эстетики и свободных искусств. 2006. № 10. С. 9–22.
9. Адамович А. Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы. М.: Советский писатель, 1985. 288 с.

ANTHROPOLOGY AND LITERATURE AT THE MIRROR OF HISTORY: ATTEMPT FOR MUTUAL UNDERSTANDING

I.N. Afanasyeu

Using the comparative historical method, the article aims to consider the anthropological aspect of literature about the Great Patriotic War. A conclusion is drawn about the great humanistic potential of Soviet literature in the struggle for the survival of mankind.

Key words: Soviet literature, Great Patriotic War, Russian classics, historical memory, tragedy of Belarus during the war, survival of humanity.